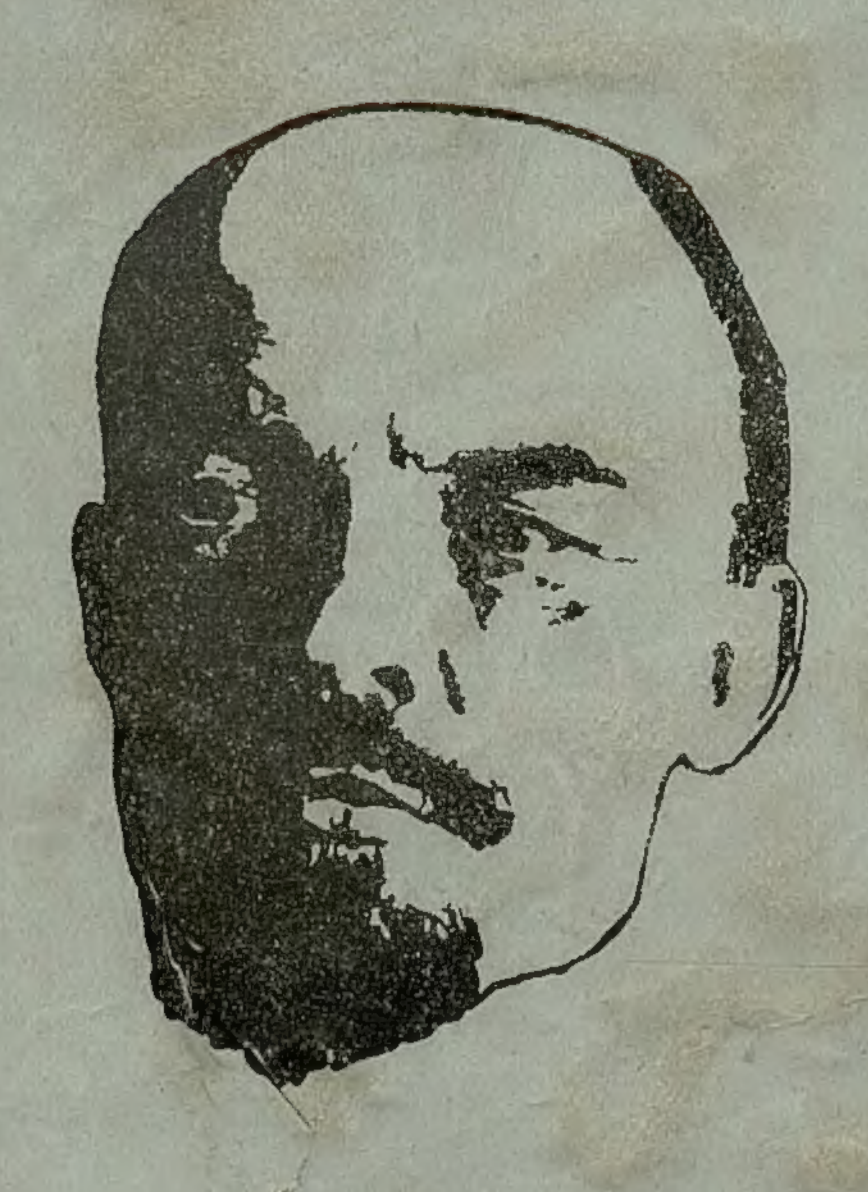
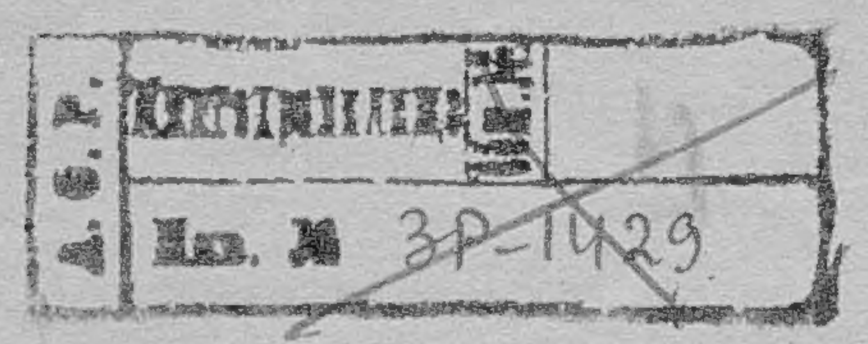
…волод Иванов.

ЛЕНИН

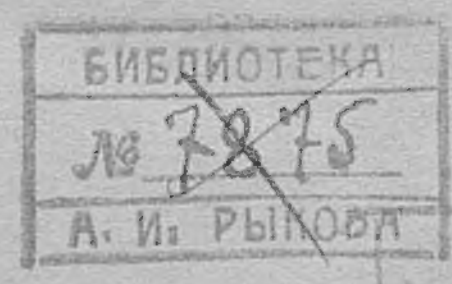

Всеволод Иванов.

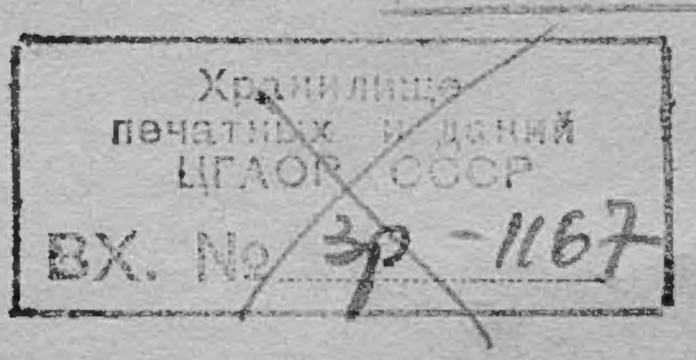

ЛЕНИН.

Indocti discunt et amant meminisse periti.

Харбин.
1928.

Трудно в наше время касаться такой темы, как Ленин. Еще не улеглось море страстей, не затих шум его волн...

Но и теперь можно проложить нѣкоторыя вѣхи в этом направленіи, чтобы выйти из противорѣчивости различных мнѣній об этом русском человѣкѣ.

Для многих он — полубог, возлежащій сейчас в саркофагѣ, в завершенности своего творенія. Это — отнюдь не наша точка зрѣнія. Отмежуемся мы и от другой — утверждающей, что Ленин был «просто паралитик»; в противном случаѣ трудно было бы об'яснить, как это, обладающему такими минимальными данными человѣку удалось наслѣдовать русскую землю. Не согласимся мы и с третьей точкой зрѣнія, утверждающей, что Ленин — «фактор исторіи», неотразимый и закономѣрный, как танк: — если бы признать правильность такой точки зрѣнія на вещи — слишком душно станет в этом мірѣ роковой неотвратимости.

Поэтому мы станем на точку зрѣнія, по которой Ленин прежде всего является человѣком. Равным образом и то, что он дѣлал — должно быть оцѣнено с точки зрѣнія именно человѣческих достиженій. В Ленинѣ Россіи пришлось претерпѣть могучее воздѣйствіе со стороны опредѣленной русской индивидуальности; было бы нецѣлесообразно не воспользоваться политическим опытом этой личности в дальнѣйшем.

Вообще, нужно как то пересмотрѣть революцію, чтобы воспользоваться тѣм, что есть в ней цѣннаго и поучительнаго:

— Путь к національной Россіи вѣдь не гладкое шоссе, а лежит через національную революцію...

⁂

Среди источников, которыми я пользовался, в особенности укажу на книгу В. Марку, которой я слѣдовал в обрисовкѣ черт фигуры Ленина*).

ВС. ИВАНОВ.

---

*) V. Marcu. „Lenin". Leipzig, 1927.

I. Воспитаніе воли.

Александр III каждое 1 марта посѣщал могилу отца, и молодой дворянин Александр Ульянов с революціонным прозвищем — Ленин готовил на него покушеніе 1 марта 1887 года. Роковая цифра пять, извѣстная с декабристов, повторилась пятью трупами казненных в Шлиссельбургской крѣпости Ленина со товарищи, гдѣ золотой ключ смотрит с высоты бѣлой башни на сѣрые неоглядные просторы озера.

Но Ленин не умер. Младшій брат казненнаго Александра — Владимир Ульянов, родившійся в 1870 году, со всѣм пылом своей юности принял дѣло брата. Маленькій

уютный приволжскій Симбирск, весь потонувшій в садах и провинціальной лѣни, стал тихим разсадником будущаго революціонна го буйства. В глушь раскидистаго русскаго провинціальнаго склада уходил гимназист Ульянов, нагруженный учебниками и тетрадями. Его упорство и энергія в изученіи на ук были конечно, от стараго режима и достойны уваженія. Он любил в юношеском возрастѣ кататься на коньках, но замѣтив, что послѣ катанья долго и крѣпко спит, он отрѣзал твердой рукой свою страсть. Его страстью стала одна страсть:

— Учиться!

17 лѣт Владимир в Казанском университетѣ; он изгнан оттуда через 30 дней послѣ поступленія, и сослан в с. Кукушкино. Невольный досуг занять работой по аграрному крестьянскому вопросу, и еще одной напряженной проблемой:

— Как систематизировать дѣло брата?

Бродили в Россіи какіе то буйные токи, инстинктом чувствовалась их правота. Впрочем — Владимир Ульянов никогда не заботился ни о правотѣ, ни о справедливо-

сти. Он просто вплыл в революцію, вошел в нее, как во что-то первичное и стихійное, и безоговорочно и безоглядно считал только ее способной удовлетворить это народное требованіе какой то неясной справедливости.

И перед ним впервые встает «Капитал» Маркса. Что понимал этот восемнадцатилѣтній юноша в перипетіях германской тяжелой философіи, в матеріализаціи Гегеля, в скептических утонченностях Фейербаха, откуда вырос Маркс? Пожалуй, мало. Но из Маркса Владимир Ульянов брал только то, что ему нужно было: метод подсчета сил революціи, подсчета сил борьбы.

1891 год с его голодом принес в Россіи болѣе страшный, чѣм холера взрыв неистовой любви к мужичку. Интеллигенція самоотверженно бросилась на помощь к народу, тѣм самым давая рецидив тому стихійному неорганизованному движенію, в котором погиб Александр. И этот опыт безпощадно подведен Владимиром в его положеніи:

— Довольно партизанить. Необходимо перейти к правильной осадѣ государствен-

наго строя, на основаніи только-что прочтеннаго «Капитала»... Только «Капитал» может дать свободу русскому народу...

Ульянов был слишком практичным человѣком, чтобы остаться при своем «открытіи» одиноким и эта идея должна была быть воплощенной в милліоны ея носителей.

Раз взятая им линія его влекла к массам, к народу; он всегда отличался терпѣливостью, способностью агитировать, педагогической способностью повторять по 1000 раз одно и то же, способностью вдалбливать самым безнадежным спутникам идею, за которую они потом боролись, как за свою собственную. Это было родом революціонной педагогики, очевидно унаслѣдованной им, сыном директора народных училищ, от своего отца.

Но не в крестьянских массах нашел Ульянов своих слушателей; нѣт, за тѣм самым озером, гдѣ был казнен его брат, куда глядится Шлиссельбург, раскинулся Санкт-Петербург, блистательная и роскошная столица, полная революціонных контрастов, вызовов, брошенных голодной черни. Дворцы

и мосты, острова и каналы, очерки Петро павловской крѣпости, изнемогающей в бѣлых ночах — видѣл Ульянов, когда держал в 1894 году в Императорском Санкт-Петер бургском университетѣ экстерном экзамен за юридическій факультет и конечно отлич но его выдержал.

Пройдя эту препону к будущей свободной дѣятельности, запастись на случай дипломом, 24-лѣтній Владимир обратил свой взор туда, гдѣ он мог найти цѣлое море ярости, заостренной в соціальных противорѣчіях, к рабочим кварталам по Шлиссельбургскому шоссе. Попрежнему, к Шлиссель бургу вела его дорога.

Пышно в 90-х годах росла и ширилась петербургская промышленность; меньше, чѣм за 10 лѣт выросли 12 улиц Путиловско го завода. Лачуги, нищета и пьянство напол няли их. По одному только Шлиссельбургскому шоссе стояло тогда 40 кирпичных заводов без высоких труб, и стлавшійся оттуда черный дым отравлял окрестность столицы, придавал ей черно-сѣрый оттѣнок трагическаго офорта, родил злобу и нена-

вистъ в сердцах. Деклассированный пролетаріат Шлиссельбургскаго шоссе привлек взгляд Ульянова; и надо сказать, что молодые русскіе капиталисты, обрадованные неслыханными прибылями, содѣйствовали Ульянову всѣми силами. Достойны удивленія старанія этих капиталистов сдѣлать жизнь рабочих невозможной и толкнуть их на взрыв.

— При посѣщеніи жилищ рабочих, — пишет одна женщина врач того времени, — мы находили комнаты, в которых не приходилось воз духа на человѣка и по 3 куб. метра. В одной комнатѣ жили зачастую от 5 до 9 человѣк, а в постели за сутки оборачивалось от 3 до 5 человѣк...

На одной фабрикѣ широкія вертикальныя трубы, подающія бумажную массу, чистились слѣдующим оригинальным способом: — в мѣшок сажали голую работницу, и шоркали ею в трубѣ вверх и вниз, как тряпкой...

Шлиссельбургское шоссе и блистательный Санкт-Петербург — воочію и выяви

ли тѣ соціальныя противорѣчія, о которых писал Маркс. Маркс никогда не был только теоріей для Ульянова; он претворял его в самую жизнь. Увлекаясь холодной статистикой, Ульянов развивал соціальную теорію, как химическую формулу, пользуясь людскими массами, их силами, тенденціями, инстинктами, противорѣчіями, как химическими элементами, давая им реагировать то на то, то на это. Только эти факторы имѣют значеніе в соціальной жизни, — говорит он, — и наконец, замахивается и на неприкосновенную дотолѣ добрую русскую интеллигенцію:

— Интеллигенція — мазана тѣм же миром, она зависит от матеріальных интересов тѣх же классов. Не отдѣльные бросатели бомб дѣлают исторію, а ее дѣлают организованные классы.

— Учиться, учиться, как добиться этой организаціи, — говорит Ульянов, и ѣдет в Германію.

***

Для революціонеров той эпохи Германія была обѣтованной страной. 1 мая 1892

года в Петербургѣ, в сѣрый и дождливый день, пропитанный дымом Шлиссельбургскаго шоссе, собралось на собраніе всего 800 человѣк. За то какія увлекательныя картины развивал перед ними оратор Игорь Афанасьев:

— А в Германіи то у пролетаріата 104 газеты с 600.000 подписчиков! А в кассѣ у них 390.000 марок!..

Бѣдняга не знал, что в то время молодой и энергичный Вильгельм II пролил свое благосклонное вниманіе на нѣмецкій пролетаріат, что и блестяще доказано было впослѣдствіи... Но тогда русская марксистская мысль искала на берлинских улицах прямого завершенія нѣмецкой философіи, и главным спеціалистом в этом дѣлѣ — был Г. В. Плеханов, жившій в Женевѣ.

Плеханов стоял на порогѣ русской революціи, как Вольтер на порогѣ просвѣщенія, как Ж. Ж. Руссо у двери Робеспьера. Сам кабинетный философ и теоретик, он, однако, имѣл старыя революціонныя заслуги. Вѣдь это он перед растерявшимися жандармами вывѣсил 6 декабря 1876 года красный

флаг и в качествѣ народника требовал «Земли и Воли». За это пятиминутное достиженіе ему пришлось бѣжать за-границу, пришлось стать соціал-демократом, и он принял молодого Ленина не без того чувства, с которым Мефистофель принимает ученика.

Вокруг Плеханова группировалась революціонная группа «Освобожденіе труда», которая несмотря на свое громкое названіе, отлично могла бы усѣсться на одном небольшом диванѣ. Она состояла из самого Плеханова, Аксельрода, Вѣры Засулич и Дейча. Один из этих дѣятелей пишет про пріѣхавшаго Ульянова:

> — Плеханов и мы долго и безуспѣшно проповѣдывали марксистскія идеи. И наши ученики, и пріѣзжавшіе из Россіи соціал-демократы приводили нас в отчаяніе своей политической безпомощностью. И только узнав Ульянова, мы вздохнули с облегченіем, потому что мы нашли достойнаго практическаго вождя.

На лазурном берегу Женевскаго озера,

там, гдѣ увитый плющем Шильонскій замок смотрится в его голубыя воды, постигал Ленин премудрости науки революціи; а также понимал он и то, что его учителя по своему размаху отстали от него. Подобно идолам возвышались они за своими письменными столами, а между тѣм — как далек путь от письменнаго стола до масс! Надо было достигать этих масс не так, как достигали их ходившіе в народ, или кормившіе их во время голода. Нѣт, наука Ленина должна была бросить массы на штурм правительства и общества; надо было в них разжигать страсти, противорѣчія, всѣ эти «локомотивы революціи». Два уязвимых мѣста было у стараго режима — недавнее крѣпостное право с его пережитками, и невѣжественная глупость фабрикантов, жавших рабочих без всякой совѣсти. Туда то в эти бреши и надо было бросить на штурм колонны организованнаго народа.

Собственно говоря, Ульянов женевскаго періода был первым русским революціонером, который дал **план всякаго рода революціонной работы.** Он блестяще учел состоя-

ніе рабочих, которые в 90-х годах переполняли библіотеки, послушно читали, что им подсовывали революціонеры, переполняли воскресныя и вечернія школы, в которых работала интеллигенція, и которыя были захвачены революціонерами, наконец создавали рабочіе кружки.

И в этих то кружках Петербурга и появился впервые по возвращеніи из-за границы пропагандист, принявшій для конспираціи имя Ленина. Связь между Шлиссельбургским шоссе и Шлиссельбургским замком смыкалась накрѣпко, навсегда.

Чему учит Ленин в рабочих кружках, возвратившись из-за границы? О, едва ли то можно найти в «Капиталѣ»!

> — Он не учил нас расписывать, что и как обстоит дѣло во вселенной, а показывал нам, как дѣлать симпатическія чернила, как писать ими письма, как работать на гектографѣ, как носить фальшивыя бороды... Он учил конспираціи, учил, как надо знать и оцѣнивать фасады домов, переулки, проходные дворы, и

так далѣе, — свидѣтельствует один из его учеников.

Та организація, которую он создавал — вовсе не была источником тѣх или иных идей; то была армія, начиная со звеньев, взводов и т. д., армія, которая все время маневрировала против другой арміи, против всего общества.

И насколько это самое русское общество было расхлябано, путалось в сомнѣніях и идеях (вѣдь в это то время восходил и Чехов!), настолько подтянуты, сплочены были организаціи, создаваемыя «Старым», (кличка Ленина). Их не было ни в каком статутѣ этих организацій, их даже не было и в Германіи; это было сплошное творчество, примѣнительно к обстановкѣ. И скоро пришла пора сдѣлать пробу на революціонность Питера, на годность ленинскаго дѣла.

***

Уже в то время министр внутренних дѣл Толстой писал министру финансов Бунге:

— Нельзя же подавлять забастовки ору

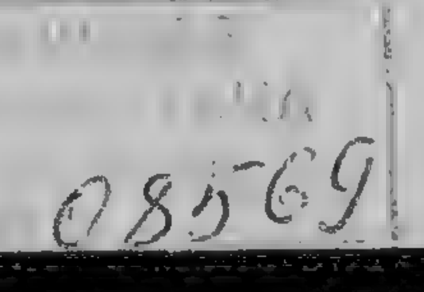
жіем и оружіем: Обуздайте же фабрикантов!..

Но нелѣпый протекціонизм правительства по отношенію дѣятелей промышленности, позабывших свой гражданскій долг и совѣсть в стремленіи к наживѣ — продолжался тѣм не менѣе. И вот устроенный Лениным «Союз освобожденія рабочих» начинает дѣйствовать, устраивая 5 декабря 1895 года большую забастовку на мануфактурѣ Торнтона.

Через десять дней происходит забастовка у Лаферма, на табачной фабрикѣ. Тут и там происходят погромы зданій, и вездѣ мелькают брошюрки Ленина, в которых он «раз'ясняет смысл происходящаго», призывает к дальнѣйшему...

Движеніе охватило 35.000 человѣк. К этим фабрикам присоединились прядильная Лебедева, Кениг, порт.

Необходимо в этом движеніи отмѣтить так или иначе явившійся факт народной в о л и; не будем говорить, к а к направлена была эта воля: это нам покажет дальнѣйшее. Забастовки повторно вспыхнули в 1896 году лѣтом, наконец в январѣ

1897 года, когда рабочіе добились успѣха:

— Им, наконец, был дарован одиннадцати с половиной часовой рабочій день...

Поднялось значеніе ленинской организаціи, но Ленина уже не было. Он был 9 декабря 1895 года отправлен в ссылку в Сибирь, которая продолжалась, однако, в два раза короче, нежели в настоящее время из Россіи сослана вся русская эмиграція — до весны 1900.

В Минусинском уѣздѣ, в маленьком селѣ, в чистеньком сибирском домикѣ коротал Ленин свои дни. На горизонтѣ маячил Саянскій хребет, недалеко была и монгольская граница. Широкая, двойная постель, заваленный книгами стол, книги, книги, книги да пустыня в окнѣ — вот обстановка ссылки.

К нему с мамашей пріѣхала Крупская, и не покладая рук трудился Ленин над своими проблемами. Уединеніе дало ему возможность сконцентрировать свои мысли. Сибирская пустыня его не пугала. И когда в Минскѣ состоялся в 1898 году с'ѣзд русских с.-д., на котором предсѣдательствовал

наш теперешній знакомец Петр Струве, выпустившій манифест, возглашавшій теорію чистаго экономизма, и отказ от политики, Ленин в условіях ссылки собрал в с. Ермаковском тоже с'ѣзд ссыльных товарищей, на котором обсуждалась эта проблема.

Ссылка была, таким образом, для Ленина полезным видом нѣкоего научно-политическаго семинара, гдѣ он окрѣп и в своей резолюціи на с'ѣздѣ в с. Ермаковском он ставит слѣдующія задачи пролетаріату в противовѣс либеральщинѣ Струве:

— Только возстаніе может добиться наших цѣлей.. Ни один класс в исторіи не пробрался к власти, не выдѣлив из себя особых личностей, вождей, которые были бы способны его вести и организовать... Проклятіе Бернштейну и всѣм реформистам-постепеновцам.

Таким образом, Ленин совершенно ясно на первый план ставил вопрос об организаціи соучастников и единомышленников в единое цѣлое, он рвал с русской традиціей обращенія к народу...

Энергія в проведеніи своих цѣлей стояла для него на первом планѣ... Один из его товарищей по ссылкѣ разсказывает в своих воспоминаніях об одном разговорѣ с Лениным:

— Однажды мы с Лениным вели бесѣду на вершинѣ горы... Солнце садилось, воздух был необычайно прозрачен. Далеко на юг, за отвѣсами и срывами ближних гор, подобно волнам застывшаго моря сіяли на горизонтѣ снѣгами Саяны. Я не мог отвести глаз от них, и в то же время слышал слова Ленина, что значит для рабочих наука, что нѣт для человѣческаго всемогущаго знанія никаких препятствій в мірѣ...

И что могли бы противопоставить тогдашнія русскія массы, на которыя обратил Ленин свое вниманіе и свою энергію — этой стремительности его мысли? Ничего! Они были слишком мало политически и общественно воспитаны, чтобы имѣть свою волю, свое мнѣніе, которое бы и воплощалось в волѣ вождя. При таком положеніи получалось, что

роль этих самых личностей, управляющих массами — безгранична.

— Да вѣдь это же самодержавіе! — позднѣе воскликнул Троцкій, услыхав такія заявленія от Ленина.

— Что же тут плохого? — отвѣчал Ленин. — В настоящее время и не может быть иначе!

И в мартѣ 1900 года он, покрытый шубами, мчался из ссылки по Енисею 500 верст, лежа в санях, и думая о том же блистательном Санкт-Петербургѣ, который должно завоевать Шлиссельбургское шоссе.

II. Неудачная попытка.

Весной 1900 года Ленин в Петербургѣ; за годы ссылки установлены положенія, заточены отдѣльныя мысли, и он снова окунается в практическое революціонное кипѣніе.

К этому времени и в уединеніи голубой Женевы Плеханов обнаруживает волненіе; теоретическія основанія молодой русской соціал-демократіи, волнуемыя ревизіонизмом одних, революціонностью других, требуют каких то пересмотров, согласованій. И в Петербург оттуда командируется Вѣра Засулич с фальшивым паспортом:

— Требуется с'ѣзд партіи!

В Ленинѣ созрѣло к этому времени еще одно отточенное положеніе: нужна еще и газета, которая бы являлась главным штабом революціи, которая бы позволила перейти от революціоннаго кустарничества — к воздѣйствію на массы в широком масштабѣ.

В Псковѣ состоялся с'ѣзд и на с'ѣздѣ рѣшено заграницей издавать «Искру»; Ленин готовится к выѣзду за-границу. За ним слѣдит полиція, но слѣдит по-царски, лѣниво-добродушно, бездарно, не будучи достаточно освѣдомленной; его арестовывают, находят у него зашифрованные документы, 2 тысячи денег на «Искру», но Ленин от всего отпирается великолѣпно, документы не разобраны и освободясь через 7 дней, он получает паспорт на Вѣну и Мюнхен.

В Мюнхенѣ открывается «Искра», воспроизводя герценовскій «Колокол» по манерѣ дѣйствій из-за границы. Русскіе коммунисты вообще не церемонились с чужим суверенитетом, и тот же Ленин создал в Мюнхенѣ тайную типографію. В «Искрѣ» обнаруживается уже совершенно отчетливо тот основной раскол, который вообще

внес Ленин своей фигурой в социал-демократію. В редакціи «Искры» состояли кромѣ Ленина Плеханов, В. Засулич, Потресов, Аксельрод, Мартов; это были прежде всего «писатели», упивавшіеся до нѣкоторой степени своим литературным творчеством. Но, что для них было тщеславной самоцѣлью — для Ленина было только средством — средством к революціи, и это раздѣляло их пути.

Вокруг Ленина группируются и нѣмецкіе революціонеры. Д-р Леман, Дитц, Адольф Браун, Клара Цеткин в чемоданах с двойным дном, с помощью других ухищреній таскают рождающую пожар «Искру» через русскую границу. В это же время супруга Ленина, Надежда Константиновна живет в Россіи. Она — центр всѣх организацій, она ведет развѣдку, пересылает корреспонденцію. В Россіи учреждается сѣть тайных типографій, которыя перепечатывают статьи из «Искры».

Сам Ленин проживает в Мюнхенѣ, в гостиницѣ, у толстаго нѣмца, социал-демократа, который пьет пиво, курит сигары и жалуется на «проклятый милитаризм». Одновремен

но же пишет Ленин свое извѣстное произведеніе «Что дѣлать», подытоживающее опыт послѣдних лѣт.

И здѣсь тоже полная оріентированность на революцію. — «Глупость думать, — пишет Ленин, — что политическое классовое сознаніе рабочих может развиться и з-н у т р и, путем чисто экономической борьбы. Оно может появиться у рабочих только и з в н ѣ, внѣ промышленной борьбы, внѣ сферы отношенія к предпринимателю...

Кто же должен привнести этот свѣт в рабочія головы. Конечно он, Ленин. Он пишет:

— Без десятка талантливых, образованных, с большим стажем вождей ничего не выйдет.... Нужно умѣть подчиняться рѣшеніям вождей, как это дѣлается в арміи, откуда нельзя уходить по собственному желанію, не приходить в нее.

— Самодержавіе? — повторно спросим мы с Троцким.

— Да, конечно! — отвѣтим мы с Лениным... — Красное самодержавіе...

***

И чѣм больше в подпольных дѣйствіях

заострялась воля Ленина, тѣм больше дряблость и вялость обуревали русское общество. Русское общество, со времени провозглашенія знаменитых лозунгов «довѣрія» на банкетах все больше и больше шло в разброд... Крестьяне требовали земли, рабочіе — 8 часов работы, студенты — академических свобод, фабриканты — оградительных пошлин, газетчики — свободы печати... Одним словом, кто нибудь чего нибудь требовал... Это было то время, когда таким махровым цвѣтом расцвѣла на Руси присяжная адвокатура, когда чеховскія сумерки жизни стали загораться томительными возгласами трех сестер — куда то в Москву, в Москву!..

С яростностью обратилась интеллигенція против существующаго строя. Резолюція всероссійской выставки скотоводства в Харьковѣ гласила, что «самоуправство администраціи мѣшает чистотѣ разводимых пород», а пироговскій съѣзд врачей в Петербургѣ — постановил, что борьба с дѣтской смертностью, пьянством, сифилисом, туберкулезом — вообще возможна лишь при свободѣ слова, печати, собраній и союзов...

О, незабвенное время русской общественности, когда богач и буржуй Мальцев отпускает на нужды революціи милліон, когда министры журят отечески купцов за слишком щедрую поддержку всяких искр, зажигающих пожар...

Острота положеній Ленина низала эту разсыпчатость общества, как стальная игла нижет масло. Конечно, в рядах с.-демократов его рѣшительныя заявленія принимались не всегда без возраженій; вѣдь германская то с.-демократія уже шла по стопам буржуазнаго, національнаго міра, и вліяніе этого сильно сказывалось... Настало время, когда по формальному, случайному поводу партія с.-демократов раскололась на двѣ части — на большевиков и меньшевиков, на энергичных сторонников Ленина и на его вялых и нерѣшительных противников, неимѣвших никакого вліянія ни у рабочих, ни у русской буржуазіи.

Раскол произошел на съѣздѣ партіи в 1903 году, начавшемся в Брюсселѣ и закончившемся в Лондонѣ. Историк Ленина В. Марку сравнивает этот съѣзд с якобинским

клубом. Та же мрачная обстановка, та же узкая лѣсенка к трибунѣ, та же страстность в спорах.

Собственно говоря, весь инцидент с расколом партіи разыгрался вокруг пункта программы с.-д., который опредѣлял отношеніе члена партіи к самой партіи. Мартов считал, что членом партіи считается тот, кто признает ея программу и активно ей помогает под руководством и контролем партіи. Ленин же в противовѣс этому моменту свободнаго выбора — требовал дисциплинарнаго повиновенія каждаго члена партіи, точнаго и безпрекословнаго...

— Пролетаріат фабрик отлично усваивает дисциплину. — писал Ленин... — Для интеллигента же эта дисциплина — рабство... Людям, привыкшим к туфлям и халату, — формальный устав кажется узким, утеснительным, бюрократическим... Это [illegible]-анархиз[illegible]... Мы якобинцы, мы связаны с пролетаріатом, а профессора, гимназисты и проч. — Жиронда.

И Плеханов с благосклонностью револю ціонера замѣтил по поводу этих обнаруженій Ленина:

— Кажется, из моей квашни выйдет Робеспьер!

В результатѣ расхожденій этих «Искра» стала меньшевистской, а Ленин образовал свою самостоятельную группу большевиков, пронизанных единой волей...

***

Меж тѣм, событія русской жизни неслись своим бурным чередом, и на востокѣ над Шлиссельбургским шоссе однажды вста ла красная заря 9 января 1905 г. Смутное броженіе, которое охватывало Россію — не находило другого выхода, нежели тот, который ему готовили революціонеры. Вездѣ вспыхивали и погасали забастовки, при чем бастующіе сплошь и рядом не знали сами, чего они добиваются... В Петербургѣ к этому [illegible] трагическая фигура священника Гапона, которая какой то своей стороной [illegible] отвѣчала извѣстным настроеніям масс. Это соединеніе православнаго священника с рабочим движеніем, кре

ста с соціализмом, показывало, что рабочее движеніе могло бы пойти по привычным церковно-національным колеям, если бы его туда направила умная и ловкая рука: — вѣдь сам же Ленин говорит, что вопрос движенія рѣшается вождями. Но к сожалѣнію верхи Россіи не поняли серьезности положенія, не показали народу національнаго выхода. Рабочія толпы бросились за справедливостью к царю.

Шлиссельбургское шоссе шло к Зимнему дворцу с хоругвями, иконами, пѣніем «Спаси, Господи»... И на монументальной Дворцовой площади какой-то офицер, по разсказам очевидцев, провѣрив, застегнуто ли его пальто на всѣ пуговицы, скомандовал войскам стрѣлять. Толпа бросилась в бѣгство, роняя иконы, шапки, рукавицы и было убито чуть ли не 200 человѣк...

— Оружія! — кричала толпа, забѣгая с площади в улицы, — к оружію!

И от дымящейся алой крови на снѣгу 9 января — рабочій народ кинулся в объятія революціи. Кто радовался этому? — Конечно, Ленин, работавшій тогда в женев-

ской газетѣ «Вперед». Он перепечатывает прокламацію, появившуюся в Петербургѣ на другой день послѣ 9 января:

— Товарищи! Вы видѣли вчера жестокость самодержавнаго правительства! Кто навел винтовки в грудь рабочих? Царь, князья, министры, генералы и придворная челядь. Убійцы! Смерть им! К оружію! Захватывайте оружейные склады, магазины, долой правительство! Мы поставим свое... Да здравствует революція. Да здравствует Учредительное Собраніе!

Послѣ гапоновскаго добродушнаго соціализма с хоругвями — пришел чистый, мрачный, исподлобья смотрѣвшій коммунизм, и Ленин считал вышеприведенную прокламацію открытым голосом революціи, уже явившейся с Шлиссельбургскаго шоссе в Петербург.

Только сила, захват власти привлекали его; он разсуждал, пугая ортодоксов, как Наполеон — «сначала начнем, а потом подведем основаніе»... И послѣ этого перваго симптома 1905 года он является на мѣсто

событій в Петербург по фальшивому паспорту.

Был ли Ленин организатором этих народных волненій? Нѣт, он не был извѣстен.

Эти волненія, послѣ японской несчастной войны — возникали совершенно стихійно. Революція, как чума, поселилась в воздухѣ. Созданная им наполеоновская теорія вождей, зачинающих революцію, превращалась в теорію осѣдланія этой революціи. Неудержимо разворачивался 1905 год. Если заграничныя, европейскія с.-демократическія революціонныя организаціи требовали для проведенія каких-либо больших по об'ему мѣр — многих и детальных предварительных совѣщаній и т. д. — то всеобщая русская забастовка 1905 года разразилась почти внѣ всякаго участія революціонеров... Ленину оставалось только подсчитывать, что за 10 лѣт до 1905 года всего на всего на Руси бастовало 430.000 человѣк, а тут за один январь — 440.000! Всего же за 1906 год народу бастовало до трех милліонов.

— Никак нельзя не бастовать, — сказал

один кіевскій извозчик, — этим выказывая особую внутреннюю спаянность русскаго народа, проявившуюся столь потрясающе-грандіозно. Останавливались жел. дороги, почта, Петербург с Иркутском сносился через Париж и Лондон, бастовали учебныя заведенія, гимназіи, университеты, трамваи, газеты и т. д., и т. д.

Движеніе было неорганизованно и стихійно, революціонеры от него отставали, только случай дал возможность ввести его в рамки, создав осенью 1905 года совѣт рабочих делегатов. Не Ленин создал этот совѣт, не рабочіе: — его нѣкоторым образом создало само царское правительство, распорядившись назначить в комиссію по обслѣдованію рабочаго положенія, под предсѣдательством сенатора Шидловскаго — рабочих делегатов... Так возник первый петербургскій совѣт, а за ним возникли и другіе совѣты.

В Петербургѣ в захваченных типографіях стали печататься «Извѣстія»; свобода слова вообще в октябрѣ 1905 года дошла до такого апогея, какого больше никогда не будет на Руси.

Но очень характерно, что Ленин не появляется наружу, а дѣйствует закулисно. 3 декабря 1905 года по распоряженію Витте арестовывается цѣликом, в составѣ 190 человѣк, весь петербургскій совѣт, и Троцкій и Носарь взывают в окно истерическими воплями, прося товарищей на улицѣ не оказывать сопротивленія войскам. Совѣт садится в тюрьму.

— От забастовки — к баррикадам! — взывает законспирированный тѣнью мелькающій в этой кашѣ Ленин. — Нечего скрывать от народа, что теперь нужна кровавая война!

И в Москвѣ на третій день послѣ ареста совѣта, послѣ объявленной всеобщей забастовки — вспыхивает возстаніе.

Ленин, с фальшивым паспортом — в Москвѣ.

* * *

Образованный в Москвѣ революціонный комитет постановляет:

— Забастовка переходит в возстаніе!

Бои начинаются постепенно. На каком то митингѣ рабочіе отбиваются от солдат

гранатами. Разбито нѣсколько оружейных магазинов. Возвращающіеся из Маньчжуріи солдатики радушно сдают оружіе желающим, потому что им тащить его тяжело. Двѣ работницы, завернувшись в красные флаги — бросаются навстрѣчу кавалеріи. Солдаты поворачивают... Из Петербурга привозят надежныя войска.

Дубасов начинает палить из пушек, на Тверской появляются первыя баррикады. Около 2.000 вооруженных революціонеров дерутся с 20.000 солдат. Бой длится пять дней.

Революціонный комитет проявляет массу энергіи. Он выпускает любопытное «Наставленіе для возставших рабочих»:

> — Главное — не дѣйствуйте массами, а кучками по три-четыре человѣка. Войска безсильны, если вся Москва будет наполнена такими группами. Не занимайте баррикад — их легко разбить артиллеріей. Стрѣляйте по казакам из дворов и убѣгайте... Отличайте сознательных врагов от несознательных. Щадите вторых, уби

вайте первых... Захватывайте понемногу город, начиная с окраин, передавайте его народу...

Но фигурныя, орленыя башни Кремля тогда не впустили Ленина в свои ворота. Государство оказалось достаточно сильно.

Он отступил «на передышку» в 12 лѣт...

Что доказало московское возстаніе?

—Конечно, неудачу! Прежде всего неудачу! — Не стоило браться за оружіе, — плачет неодобрительно папаша Плеханов, — меньшевики же истошные подымают вопли [illegible] о предательствѣ и [illegible]. Стокгольмскій с.-д. съѣзд обвиняет Ленина, [illegible] на всѣ корки.

[illegible], однако, держится иных взглядов. Во-первых, [illegible] фактически доказана [illegible] вооруженнаго возстанія; во-вторых — дубасовскія пушки революціонизировали народ своим слишком эффектным, оглушительным дѣйствіем... Приближается новая волна революціи, а пока она дойдет — переходите на нелегальное положеніе.

И то, что русская соціал-демократія по-

слѣ манифеста 1905 года не перешла на легальное положеніе, аналогичное западному — в этом повинен один Ленин — он упорно стоял против всякаго соглашательства.

С другой стороны — факт оставался фактом. Революція в подпольи, Дубасов в Москвѣ. *Кто же виноват в неудачѣ?*

В противность разбитой контр-революціи, боящейся этого вопроса, Ленин поставил его во весь рост. *Нужно разобраться* [illegible] нашего пораженія, говорит он [illegible] участников боев, [illegible] их [illegible] и констатирует:

> Виновата сама партія! Она [illegible] соотвѣтствовать размѣрам [illegible], не угналась за ними... [illegible] ... Мы, вожди пролетаріата, уподобились тому генералу, который посылает войска в бой так, что большинство не принимает в нем участія и из-за того терпит пораженіе... Бастуют милліоны, дерется 2

тысячи... Мы сами виноваты...

Он переселяется в Куоккалу, в Финляндію, пишет оттуда:

— Японская война дала ручную гранату, теперь изобрѣтено автоматическое оружіе... Нужно научить пролетаріат владѣть и гранатой и оружіем...

И по мысли Ленина Россія покрывается бандами революціонеров, начинающих производить экспропріаціи, убивать должностных лиц... Знакомыя теперь лица — Сталин, Красин и проч. принимают в этом горячее участіе... Насколько широко идет это движеніе, показывают слѣдующія цифры, данныя в интервью П. А. Столыпиным представителю иностранной прессы г. Гастону Дрю:

— За три года 1906-8 произведено покушеній 26.268.

Убито должностных лиц 6.091.

Ранено больше 6.000.

Похищено денег болѣе 5.000.000.

Это дѣло Ленина.

— Наша партизанщина не вредит пар-

тіи, — говорил он, — вредит партіи только лишь ея собственная слабость...

Так Ленин сдал уже позиціи, сочтя возможным дѣйствовать партизански, а не только единым фронтом.

**
*

Но если партія была виновата в том, что она проиграла бой на Прѣснѣ, то чья же заслуга, что Россія выдержала страшный напор 1-ой революціи, гораздо болѣе всенародной, нежели в 1917 году, кто побѣдил первую революцію?

О, тогда Россіи повезло. Тогда на ея защиту выступило два русских человѣка государственнаго ума и таланта — Витте и Столыпин. Не против Ленина выступили они — они и не знали его тогда, как Ленина, они выступили на войну с взбаломученным россійским морем, с революціонными потрясеніями.

Классически просты их средства; в лѣговищах Шлиссельбургскаго шоссе искал себѣ союзников Ленин, искал их в неизжитых противорѣчіях, оставшихся со времени крѣпостного права.

Первое ленинское средство ликвидировал Витте, второе — Столыпин.

— Когда я после 17 октября принял правленіе, я понял что нужны двѣ мѣры — заем и роспуск маньчжурской арміи, — пишет Витте.

И вот, в Петербург, на спеціальной яхтѣ, под чужим именем прибывает представитель «Ліонскаго Кредита», останавливается во дворцѣ вел. князя Владимира Александровича и подписывает условіе о 5% займѣ в 2 с половиной милліарда золотых франков, то есть в 845.000.000 рублей, под условіем не заключать других займов три года, и установить порядок в странѣ, созвав обѣщанную в августѣ Думу.

Широкой рѣкой полились деньги в промышленность, как масло успокаивая расходившіяся рабочія волны. Государственный банк считал на 14 декабря 1905 года за частными банками розданными 184 милліона рублей, тогда как год тому назад таких кредитов предоставлено было всего на 39 милліонов. Засвистѣли поѣзда, перевозя домой солдат, завертѣлись фабрики, за-

улыбались рабочіе. Конечно, революція хороша обѣщаніями, но наличные заработок, тишина и мир еще лучше.

Властной рукой разорвал в то же время Столыпин путы, спутывавшія крестьянина — русскую общину, разогнал весь соціалистическій туман, который издавна собирал вокруг себя этот пережиток прошлаго. Русскій человѣк — такой же, как и всѣ, он любит собственность, независимо от разных теорій, и будет за ней ходить и ее лелѣять.

По поводу реформ Столыпина с полной об'ективностью отозвался Ленин:

— Нѣт, это не обычныя бюрократическія химеры, это движеніе аграрнаго бонапартизма... Бонапартизм же есть маневрированіе монархіи...

Но так или иначе — этим маневрированіем монархіи Ленин, так рвавшійся за первой революціей, был разбит. Надежды на революцію в чистом видѣ были потеряны. За то народились обстоятельства, сулившія надежды на войну, а там на военный бунт.

Вѣдь вслѣдствіе виттевскаго займа немедленно же на алжезирасской франко-германской конференціи Россія выступила против Германіи на сторонѣ Франціи.

Начал затягиваться европейскій узел.

III. Тріумфальный въѣзд.

Побѣда національной Россіи рѣзко отозвалась и на Ленинѣ. Столыпин дал Аннибалову клятву задушить революцію. Он проявил в своих дѣйствіях во внутренней политикѣ столько ума, а главное — столько воли, что революція оказалась дѣйствительно разбита. Впервые русское государство обороняллось от революціи не в слѣпую, а руководимое большим, умным и сильным человѣком.

Проживавшій в Финляндіи Ленин почувствовал себя не безопасно: — рука Столыпина подбиралась и к нему; оставался единственный испытанный выход, и вот Ле

нии снова в эмиграціи, в Женевѣ.

Тяжело было ему это возвращеніе. Послѣ нѣскольких мѣсяцев почти открытаго властвованія, послѣ обширной, мгновенно созданной печати, выпустившей в теченіе трех мѣсяцев «свобод» милліоны экземпляров одной Эрфуртской программы, послѣ неограниченнаго притока средств — заграница, оторванность, одиночество. Воцарившаяся на Руси реакція не была поверхностной, правительственной только. Нѣт, все общество измѣнилось: банкиры зажали карманы, из которых они славно трясли на революцію, дамы больше не прятали компрометантных революціонных документов в своих надушенных, хрустальных шкатулочках, чиновники отказывали в своем любезном содѣйствіи... 1905 год показал, что революція вовсе не сладкое пирожное...

— Я возвращаюсь в гроб! — в отчаяніи писал Ленин своей женѣ; он один. — Найдите мнѣ легальнаго секретаря, — пишет он в Петербург, — мы будем платить ему 50 р. в мѣсяц... У нас совсѣм нѣт легальных работников, а рабочіе, как

политическіе работники — никуда не годятся!

Шаповалов пишет в воспоминаніях, как он в эти годы, вслѣд за 1906, видѣл Ленина мечущимся по комнатушкѣ, засунув руки в рукава...

Вмѣстѣ с торжеством національной Россіи пришла для Ленина и новая непріятность... Во-первых — оказалось мало денег... При размѣнѣ денег, ограбленных Сталиным в Государственном банкѣ в Тифлисѣ, оказались в Европѣ арестованными Литвинов и Шелахов; правда, выручил Красин, которому удалось размѣнять кой-какія суммы... Во-вторых — на Ленина насѣли всѣ теоретики, которым было достаточно свободнаго времени, чтобы строить свои планы. С.-демократія разбивается на множество теченій, до такой степени, что на очередном с'ѣздѣ в Парижѣ 14 ораторов оспаривают 7 различных тактик. Безпочвенная заграничная эмигрантщина выказала здѣсь свой разлагающійся, неустойчивый и бездѣльный лик... Пошли споры о партійной кассѣ — кому ее довѣрить: — всѣ высказывали ос-

корбительныя подозрѣнія друг на друга... И, наконец, повѣрили ее вѣрным рукам — передали «довѣренной комиссіи» из К. Каутскаго, К. Цеткин и Ф. Меринга: — нѣмцы надежнѣе сохранят эти сомнительныя суммы в 30.000 марок...

Застой в революціонной политикѣ явил и другія слѣдствія. Часть соціал-демократіи, которой тошно было уходить в подполье — потянула к легальной работѣ в Думѣ. Если бы это движеніе пріобрѣло силу, если бы в нем были вожди—судьбы русской соціал-демократіи измѣнились бы. Она стала бы тѣм, чѣм стала соціал-демократія в Германіи, государственно-стабилизованным движеніем.

Среди всеобщаго затишья в эмигрантщинѣ соціал-демократіи стали появляться вѣянія, которыя не могли нравиться Ленину. Так, поверхностно, Луначарскій разводил теоріи «построенія Бога хозяйственным способом, в видѣ эстетическаго идеала»; махисты-эмпиріокритисты утверждали с Богдановым, что ощущеніе — есть единственный источник знанія. — Так значит

и католицизм, поскольку он тоже есть организованныя форма религiозных ощущенiй и соотвѣтствующаго мышленiя — есть и с т и н а? — гнѣвно спрашивает Ленин. Он не слишком долюбливает теоретиков.

В «Критических замѣчанiях по поводу одной реакцiонной философiи» он громит своих недальновидных, бездарных коллег, и попрежнему истерически настаивает на полной конкретизацiи революцiонных цѣлей:

— Самый большой грѣх революцiонера — терпимость! Газета без направленiя — самая грязная, безсмысленная, скандальная, вредная вещь...

Но это было лишь криком в ночи подполья, покамѣст выстрѣл Багрова не был лучом свѣта:

—Столыпина не стало, и революцiонныя силы снова зашевелились... В кiевском театрѣ, в присутствiи государя императора, Столыпина подстрѣлил агент охраннаго отдѣленiя, о котором у Курлова были тревожныя свѣдѣнiя; падая в кресло 1-го ряда, Столыпин крестил царя...

«Подмороженная Россiя» снова трону-

лась под революціонным теплом. В том же 1911 году в Москвѣ появилась уже большевистская «Звѣзда», газета, с передовой Ленина в первом номерѣ; у него дрожали руки, когда он развертывал этот номер у себя в изгнаніи: — Вот радость!... — бормотал он. — Наша газета в Москвѣ!... А!...

Зажигались рабочіе кварталы, срывая произведенную правительственную работу, недовольные полученными улучшеніями своей жизни — в 1911 году было уже 137.000 бастовавших... Вмѣсто 9 января прозвенѣл ленскій расстрѣл ротмистра Терещенко, и безсмысленно пролитая кровь, смѣшанная с лицемѣрными провокаціонными слезами прессы хлынула на колеса революціи. Прокатилась забастовка сочувствія, бастовало 1.200 тысяч человѣк, Керенскій произносил потрясательныя рѣчи, через газеты разносившіяся с угодливостью по всей Россіи. — Запахло 1905 годом! — констатирует «Новое Время».

Катастрофическія противомѣры, цѣпляясь одна за другую с роковой неизбѣжностью, сыпались от правительства, помогая

революціи. Были запрещены рабочія организаціи, а в это время пять большевиков, скрывших свою партійность от избирателей, под видом соціал-демократов очутились в Государственной Думѣ, гдѣ и декларировали свое настоящее лицо; среди много испытавших рабочих появились настоящіе революціонные дѣятели, которые с большим удобством замѣняли собой вялую интеллигенцію. И отрясая свой прах от надоевшей эмиграціи, чуя движеніе воды, Ленин из Парижа бѣжит в 1913 году к самой русской границѣ; он желает как можно меньше имѣть общаго с эмиграціей — он желает дышать русским воздухом.

И это он исполняет буквально; поселившись в избѣ в дер. Поронин, у подножія Татра, Ленин иногда бывал у самой русской границы и дышал «русским воздухом». Здѣсь он — почти в Россіи. Через 3 дня он получает газеты, отсюда он руководит большевистской фракціей Думы, сочиняет думскія рѣчи, сюда к нему пріѣзжают делегаціи, и между прочим — вся думская фракція большевиков в полном составѣ...

В Петербургѣ возникает «Правда», идет проповѣдь о сборах в «рабочую казну», и не спорадических, а постоянных — вѣдь ничто так не сплачивает партію между собой, как регулярно опредѣленныя жертвы...

Столыпин лежит в землѣ, а дѣло Ленина кипит. То и дѣло садятся в тюрьму безличные редакторы «Правды», но правительство уважает нелѣпый, формальный «закон о печати»; все время появляются в «Правдѣ» письма «недовольных» — если нужно, то Ленин пишет их сам. Секретная рабочая организація доставляет внѣ почты на фабрики свѣжія, еще пахнущія краской №№ «Правды». И когда в 1914 году готова вспыхнуть война — в Петербургѣ на Выборгской сторонѣ и на Шлиссельбургском шоссе — вспыхивают забастовки...

Впервые за послѣднія сто лѣт своего существованія Россія втянута в орбиту европейских дѣл, и 18 іюля 1914 года. огромная патріотически-настроенная толпа стоит на Дворцовой площади на колѣнях перед дворцом царя, громко распѣвая гимн:

Ленину нужно опять лѣзть в подполье, нужно было мѣнять тактику.

* *
*

Хотя незадолго до войны Ленин и писал, что «война между Австріей и Россіей была бы очень полезна для революціи», но в скорое возникновеніе войны он не вѣрил. С фактом возникновенія войны было связано измѣненіе его взгляда на войско. Если в мирное время в русской обстановкѣ русское войско для Ленина было расширенным корпусом жандармов, то в военное время войско выглядѣло иначе: — в арміи сказывался прежде всего народ, идущій защищать свое отечество от врага внѣшняго.

Вот почему у Ленина возникла идея, что работа на ослабленіе обаянія войны, столь сильнаго в первые осенніе мѣсяцы 1914 года,— должно отразиться на русской арміи, и подготовить почву для революціи.

Но заняться этим непосредственно послѣ возникновенія войны для Ленина не пришлось, так как во время одной из прогулок вдоль полотна жел.-дороги в деревнѣ Новый Тарг он был арестован австрійски-

ми властями по подозрѣнію в... шпіонствѣ в пользу царской арміи...

Заключенный в небольшой концентраціонный лагерь, Ленин благодаря своей расторопности был назначен в этом лагерѣ старшиной, ходил по городу с конвоем дѣлать закупки — хлѣба, табака и т. д. Только авторитетное заявленіе австрійских соціалистов, что Ленин враг царя, и что нечего его держать взаперти, Ленин был освобожден и поселился в Цюрихѣ.

Война против арміи и ея точек зрѣнія, которыя раздѣлялись всѣми арміями и всѣми демократіями Запада — была трудным дѣлом для Ленина. Интернаціоналист Вандервельде — посѣщал Петербург, Бебель отстаивал позицію націонал-оборончества. II-ой интернаціонал заявил безповоротно свое отрицательное отношеніе к идеям Ленина. Плеханов восклицал в своих статьях по адресу нѣмцев — «позор, позор!», — и призывал к оборонѣ, точно так же, как и В. Засулич.

Но отнюдь не к миру звал Ленин; он утверждал, что во время войны революція

не есть только отказ от войны, а сама гражданская война против войны правительственной... Пощада своему правительству в то время, как оно занято войной с чужими — есть измѣна собственному отечеству... Он звал к пораженію русских войск, и в этом пораженіи видѣл залог побѣды революціи.

Про эти взгляды Ленина выразительно говорит Зиновьев. — Во всем мірѣ, — говорит он, — не было и десятка людей, которые вѣрили бы Ленину в его планах, да и в самой его партіи вѣрующих не было....

В маленькой комнатушкѣ на Шпигельгассе в Цюрихѣ, гдѣ стояли скромно двѣ кровати, два стула, стол да швейная машинка — жил среди своих химер-мыслей Ленин... Каждый день шел он в библіотеку, одѣваясь поприличнѣе, потому что бывали случаи, когда в библіотеку не пускали эмигрантов-оборванцев, и писал там труд свой «Имперіализм, как первый этап капитализма»... В этой работѣ перед Лениным вставала вся огромная международно-политическая картина капитализма и невольно он в этом находил лозунги для приведенія в раз-

стройство своей пропагандой всѣх дерущихся армій міра.

Он не был одинок на этом пути... При посредствѣ швейцарскаго соціалиста Роберта Гримма он вошел в соглашеніе с нѣсколькими европейскими соціалистами, так же отрицавшими войну, как и он сам. Сначала в Бернѣ, а потом в горной деревушкѣ Циммервальдѣ, подальше от глаз европейских контр-развѣдок, которыми кишѣла Швейцарія в началѣ сентября 1915 года, состоялся съѣзд из 30 соціалистов всѣх стран, которым ничего не оставалось дѣлать, как выпустить манифест против войны, гдѣ говорилось, что «клочок за клочком слетит покрывало, которым прикрыт был смысл міровой войны»... Через восемь мѣсяцев — состоялся в Кинталѣ...

Для русской революціи эти съѣзды сыграли большую и роковую роль. Они заставили русских наивно думать, что европейское соціалистическое мнѣніе — единодушно, что тѣ лозунги, с которыми впослѣдствіи обратился к народам всего міра совѣт С. и Р. де-

путатов — будут мгновенно восприняты народами...

Увы! Этого не было. С другой стороны и Ленин не был удовлетворен результатами с'ѣздов... Как они были далеки от того, что хотѣл он! Мир — вот что они вѣщали, а этот мир не был ему нужен. Стремленіе солдат к миру, к дому, к семьѣ — было опасно для него:

— Мечты о демократическом мирѣ в результатѣ имперіалистической войны только вводят пролетаріат в заблужденіе... Его освободит только ряд революцій... — пишет Ленин.

Статуя Цвингли в Цюрихѣ, с книгой в одной рукѣ, с мечем в другой — вот как представлял себѣ Ленин свою дѣятельность..

— Революція во время войны есть не мир, а гражданская война, — говорил он...

* * *

Покамѣст Ленин шел за границей по международным тропам, в Россіи продолжена была работа его соратниками. В 1915 году Петербургское Телеагентство довело до свѣдѣнія публики, что 4 декабря были на Вы-

боргском шоссе в СПБ, в уединенном домикѣ захвачены 11 лиц, при которых оказались документы, что эти лица занимались разработкой пораженческих политических тезисов... Среди них было пять членов Государственной Думы, — Петровскій, Бадаев, Муранов, Самойлов, Шагов, большевики.

Адвокат Керенскій страстно доказывал, что обвиняемые никогда не думали вызвать революцію во время войны; никогда они не желали разрушенія русской арміи; никогда они не протягивали рук врагу через головы тѣх, кто умирал на фронтѣ за отечество и так далѣе.

Но говоря так, Керенскій лгал: — соціалист спасал соціалистов... Большевики были сосланы в Сибирь, что было нетяжелым наказаніем, а Ленин отзывался о них, как о самоотверженных людях, способных выполнять скромный, невидный, тяжелый, неблагодарный, опасный труд по нелегальной пропагандѣ и агитаціи...

Революція снова шла в рабочія массы, большое вниманіе ея было устремлено на проникновеніе в запасные полки, расположен

ные в городах огромными, ненужными толпами... К этому времени со стороны Гучкова подоспѣло приглашеніе рабочих делегатов от страхкасс в члены военно-промышленных комитетов, работающих на оборону. При удачѣ — это было бы об'единеніем всѣх національных сил страны, по Лениным был дан по этому поводу лозунг:

— Присоединяйтесь к выборной агитаціи, чтобы сказать свое слово об отрицаніи бойни, но не проходите в комитеты...

С большим трудом прошел послѣ отмѣны выборов такой комитет в Петербургѣ. В Москвѣ выборы были сорваны, и Штюрмер прямо говорил, что выборы эти использованы лишь для партійных цѣлей...

Революціонное настроеніе, поднятое против верхов государства росло однако не столько за счет работы Ленина, сколько за счет работы русскаго общества, прикасающагося к этим верхам. Это был рецидив 1905 года в верхах.... Милюков, с развязностью ученаго, заявил в Думѣ, что «такого подлаго и вреднаго правительства никогда еще не бывало... Министры дураки, а

премьер — предатель»... — До Пасхи должна быть революція, записывают в дневниках и англійскій, и французскій посол — Палеолог и Бьюкенен. — Вожди арміи были готовы помочь перевороту, — пишет Милюков, — шел слух, что генерал Алексѣев рѣшил даже арестовать императрицу во время ея посѣщенія Ставки. Генерал Крымов, Гучков, Терещенко создали заговор, чтобы арестовать царя*)...

Три сына в. княгини Маріи Павловны — Кирилл, Борис и Андрей рѣшили с помощью 4 гвардейских полков захватить Царское и провозгласить царем Алексѣя Николаевича, под регентством Николая Николаевича.. На дачѣ восхитительной подруги кн. Гавріила Константиновича великіе князья весело пили «за обновленную Россію» и еще веселѣй увѣряли милых дам, что они — якобинцы.

Неудачи войны, отсутствіе правильнаго

---

*) См. «Русскую Лѣтопись», также книгу М. Лемке «18 мѣсяцев в Ставкѣ».

снабженія, безобразныя хищенія, безоружные русскіе солдаты, которых однажды в одном мѣстѣ Карпат германская артиллерія истребила 11.000 в теченіе 6 минут — вот кто вел агитацію против существующаго строя, агитацію гораздо болѣе сильную, нежели ленинская. И штаб верховнаго главнокомандующаго рискнул уговорить государя сдать свой трон, в смутном разсчетѣ на «общественныя силы».

Это было невиданным счастьем для революціи, чтобы монарх оказался настолько слаб в защитѣ Богом дарованных ему прав. Революцію встрѣтили с восхищеніем, вывѣсили красные флаги над золотыми крышами дворцов и стали играть с властью, легкомысленно перебрасывая ее из одних рук в другія, на основаніи нѣкоей «народной воли».

И пока не пріѣхал Ленин, революція были сиротой. Она не имѣла своей власти. Никто так далеко не продумал революціонных возможностей, как он, никто не понял так идеи власти, как понимал ее Столыпин, как понял ее Ленин. Всѣ генералы, которые чѣм

то командовали, не рискнули показать воли и твердости руки и расписались в своем грозном ремеслѣ; это сдѣлал только Ленин.

***

Однажды мартовским утром в 1917 году к Ленину в дверь его цюрихской комнатки постучал товарищ, и сообщил, что в Россіи революція.

Ленин не ждал ся. Как сумасшедшій выбѣжал он из дому, не нашел ничего в газетах, кинулся на берег Цюрихскаго озера. Бродил там и только спустя нѣкоторое время увидал приклеенную к стѣнкѣ телеграмму:

— Образован исполком Госдумы, всѣ министры арестованы!

Приглашенные домой Вр. Правительством 560 швейцарских эмигрантов двинулись в Россію. 150 из них уѣхали по разрѣшенію Бріана и Б. Лоу, наивно ждавших от них великаго усиленія «революціоннаго фронта».

На крейсерѣ, в сопровожденіи мино-

носцев отплыл домой Плеханов-оборонец. Никто не хотѣл пропускать домой Ленина.

Ленин пробовал разные пути. То при помощи контрабандиста хотѣл проѣхать через Германію, то под видом нѣмого шведа преодолѣть этот путь... Роберт Гримм вел переговоры с германским посланником, но это ни к чему не вело. Наконец, Ленин послал швейцарскаго соціалиста Фрица Платтена к самому кайзеру Вильгельму.

В [illegible] неизвѣстно, что [illegible] Ленин кайзеру, что надо [illegible] что-то для того [illegible], ибо уже 8 апрѣля на [illegible] вокзалѣ стоял [illegible] товый везти 30 первых человѣк через Германію в Россію.

[illegible] много [illegible] вающих, [illegible] Ленин упорно молчал. [illegible] какого-то пронырливаго развѣдчика. Ленин собственноручно вытащил его за шиворот и выпихнул на платформу.

Поѣзд тронулся, и Ленин проѣхал благополучно всю Германію, при чем его запломби

рованный поѣзд в Россіи вызывал разнообразные комментаріи:

— Конечно, Ленин проѣхал легально, — сказал про него либерал Набоков, — но вѣдь он же испортил себѣ репутацію!... Но Ленину было наплевать на репутацію: — он дѣлал революцію.

В пути была какая то германская соціалистическая делегація, с которой, однако, никаких разговоров не было, а в Стокгольмѣ возвращавшихся изгнанников шведскіе соціалисты кормили роскошным, давно ими невиданным завтраком. В Стокгольмѣ же Радек купил Ленину пару сапог:

— Неудобно же было пріѣзжать в Петербург без подметок!..

Ближе и ближе несся поѣзд. Миновали Торнео, купили всѣ номера «Правды», и Ленин ее с горячностью комментировал... Правда, было тревожное обстоятельство, — с возвращающимися в купе сѣл солдат — не арестованы ли они? Не могли дать отвѣта на этот занимательный вопрос и выѣхавшіе встрѣчать Ленина товарищи. Наконец, вдали заголубѣл вуаль зарева от сіяющаго

Петербурга, замелькали огни пригородов, и поѣзд с грохотом влетѣл на Финляндскій вокзал. Весь из окна высунулся Ленин:

— Арест или нѣт?

Нѣт! «Интернаціонал», крики, лучи прожекторов, красные банты, штыки, знамена, рев «ура». С трудом протискивается Ленин в парадныя комнаты. Там его ждет предсѣдатель совѣта — Чхеидзе...

— Именем совѣтов, — говорит тот, — привѣтствую вас не для раскола, а для объединенія дѣйствій великой демократіи в общей нашей цѣли...

Ленину подносят букет красных роз. — Солдаты, матросы, рабочіе, — говорит Ленин то, что столько лѣт он выжигал у себя в мозгу. — В авангард міровой революціи! За имперіалистической войной идет война гражданская! Встает уже заря революціи!...

Его выводят из вокзала, гдѣ гремят музыкой почетные караулы от флота. Крики «ура» прорѣзывают пѣніе Интернаціонала, прожекторы в Петропавловской крѣпости сѣкут ночное небо своими лучами. Его сажа-

ют на броневик, на крышу, и на каждом углу он с грохочущей стальной черепахи произносит одну и ту же рѣчь о том, как он, никто больше, как о н, Л е н и н, желает перестроить Россію.

IV. Власть взята.

Как побѣдителя встрѣтил Ленина город Святого Петра и повез во дворец.

Да, во дворец. У временнаго правительства, совершенно буржуазнаго по своей натурѣ, была однако маленькая слабость, которую оно проявило в первые же дни. Это было, пожалуй, нѣкоторым родом морализированія; почитая частную собственность священной, временное правительство тѣм не менѣе разрѣшило дѣтям революціи занять дворец балерины Кшесинской. Всѣ знали этот желто-красный гранитный особняк на углу Каменностровскаго проспекта, с балконом, с огромным окном зимняго сада, под фигурной

рѣшеткой, с крѣпкой стражей у входа, куда иногда врывались блестящіе черным лаком лимузины. Революція вообще любит рыться в постелях, ища доказательства, что «владыки свѣта люди тѣ же»...

И трудно сказать, что нравится людям — то ли, что они этих владык низводят до себя, или наоборот, сами дѣлаются нѣсколько выше в своих собственных глазах, констатируя в себѣ нѣкоторые признаки царственных страстей...

Вся Россія с интересом говорила, что Кшесинская стоила покойному царю 8 милліонов, и именно за эти восемь милліонов н а р о д счел себя в правѣ послѣ революціи влѣзть в ея диковинные покои и временное правительство как бы согласилось на это. Зеркала, бронза, позолота и росписные потолки, китайская ваза, оставшаяся от растащенных уже вещей и стоявшая на столѣ, заваленном большевистской литературой не вязались с разгромленной обстановкой, а с балкона и из зала все время неслись и неслись рѣчи.

По большей части сам штаб революціи молчал — он давал преимущественно высказаться тѣм, кто приходил с фабрик и заводов, из казарм и с кораблей; ораторы повторяли то, что говорил предыдущій оратор; но ваго, правда, было мало, в этой подтвержденности рѣчевого оборота наступала и связанность оратора с революціей: — его рѣчь была что то вродѣ клятвы, даваемой в домѣ развратницы, воочію своей ободранной роскошью свидѣтельствовавшем о наступившем торжествѣ морали.

Но Ленин заговорил в домѣ Кшесинской — вѣдь тут еще не знали, что он хотѣл сказать; его рѣчи были одним и тѣм-же — сплошным повтореніем его изгнаннических одиноких дум. С педагогической насильственностью, с неотразимой логикой инстинкта, с ядом зависти, он анатомировал не привыкшія к мышленію души слушателей — и вкладывал в них то, что думал сам.

На другой же день, 17 апрѣля (нов. стиля) — Ленин посѣтил Таврическій дворец и выступил там перед Петроградским Совѣтом с докладом о задачах революціонна

го пролетаріата; без всяких обиняков, слов но заколачивая в черепа гвозди, излагал он свои планы перед изумленным собраніем:

— Вся власть совѣтам! Массы народа должны творить, и на собственном опытѣ исправлять свои ошибки. — Никакой парламентской республики — а обнимающая всю страну Республика Совѣтов... Смѣна всѣх чиновников, разгон всей полиціи... Аграрная программа состоит в том, что главная тяжесть работы перекладывается на совѣты батраков... Никакой войны до революціонной побѣды, на фронтѣ об'является братаніе. Временное правительство должно быть свалено — оно не в силах дать народу хлѣб, мир, свободу... Надо работать, чтобы захватить большинство народа на свою сторону...- С.-д. и с.-р. просто мѣшают этому... Вот таково соотношеніе об'ективных революціонных сил!

— Анархист! — раздались крики. — Он не проспался еще послѣ поѣздки!

Радовалась и пресса. Такой нелѣпый суб'ект неопасен! — говорили кадеты. Плеханов об'явил Ленина сумасшедшим. Милю-

ков сіял — Ленин провалился... С.-р. считали Ленина совершенно безопасным.

Правда, была и критика. Как, говорили историки, да вѣдь в 1905 году Ленин добивался демократической республики. А теперь?

Но Ленин никогда не заботился о вѣрности теоріи. **Вѣрность прошлому — измѣна настоящему!** — отвѣтил он на эти обвиненія блестящим афоризмом. — Мы не утверждаем, что Маркс и марксисты знают путь к соціализму, — говорит он. — Нелѣпость! Мы знаем только направленіе этого пути... И только опыт милліонов людей может показать нам, как должна идти работа.

— Политическое большинство, — продолжает поучать Ленин — не 50% плюс один партіи... Никакой арифметики... Нѣт, **большинство — это возможность возстанія...** Каждая политическая партія не имѣет никаких оправданій, если она не стремится к захвату власти....

И Ленин сосредоточивает все вниманіе

на пріобрѣтеніе сил. Вѣдь за Керенским — была армія.

— Вы самые свободные солдаты в мірѣ! — восклицал армін Керенскій... — Терпите же еще 2 мѣсяца... Я не позволю вам не довѣрять мнѣ, и в моем лицѣ оскорблять демократію... Мы должны уважать друг друга... Мы не старые деспоты...

Мѣры говорливаго министра дѣйствовали плохо. В арміи, несмотря на всю «военную науку», которую изучал генеральный штаб, не находилось твердой командной руки, которая вышибла бы этого адвоката, как Ленин вышиб развѣдчика из своего купе. Генералы держали под козырек государственно-творимой безсмыслицѣ, и были совершенными невѣждами в обстановкѣ, умѣя только танцовать от государсттвенной печки, несмотря на весь свой апломб.

Надо было ждать, покамѣст армія разложится совершенно, и Ленин ждал этого времени. Оно было не за горами:

— Вы взбунтовавшіеся рабы! — уже надрывался Керенскій перед солдатами и про

должал: — как жаль, что я не умер два мѣсяца тому назад... Я унес бы с собой в гроб прекрасное видѣніе...

Два мѣсяца! — разложеніе шло быстрыми шагами.

С другой стороны — это разложеніе армін — было и опасно. Что несла с собой эта пораженческая революція? Не побѣды Кромвеля и Наполеона, а позор, стыд, насилія, дезертирство... Калуш и Тарнополь стоили немало. Обыватель, весь народ чувствовал это разложеніе 12 милліоннаго тѣла арміи на своей шкурѣ. А что, если бы явился избавительный генерал?

Анна Балабанова записывает: — Как то послѣ засѣданія Ленин долго стоял у темнаго окна. На мой вопрос — что же будет — он отвѣтил:

— Или революція, или контр-революція. Мы не должны терять времени!

Надо было организовывать и свои силы, не только выжидая распада чужой.

* *
*

Достоевскій в «Бѣсах» обмолвился словом, что Россія страна единственная в мі-

рѣ, гдѣ все может произойти без всякаго ни то сопротивленія.. И дѣйствительно, вся дѣятельность Ленина проходит в массовом гипнозѣ какой то покорной обреченности. Армія расправляется с офицерами, Гельсингфорс топит сотни человѣк, Феодосія и Севастополь тоже. Офицеры истребляются, как кролики в паркѣ, но Офицерскій Союз разрѣшается под большими ограничительными условіями. Революція всегда сопровождается гекатомбами жертв, словно думает общество. Ничего не подѣлаешь.

И всѣ эти избіенія происходят при попустительствѣ и ставки, и правительства, потому, что были вполнѣ дисциплинированныя части, которыя смогли бы остановить растущую кровавую анархію. Попустительство правительства дошло до такой степени, что сторонники Ленина, без его согласія рѣшили в іюльскіе дни 1917 года выступить самостоятельно.

— Возстаніе было бы ошибкой, — отговаривает Ленин, — мы не захватили еще силы ни физически, ни политически... Мы сможем захватить Петербург, но мы его не

удержим... К тому же еще мало ярости и ненависти выработано в массах, еще не выработаны массы в большевистском духѣ...

И когда представители пулеметнаго полка в Питерѣ требовали выступленія, Володарскій им об'явил, что не казармы рѣшают, когда выступать, а партія...

16 іюля тѣм не менѣе огромная масса народу подошла к Совѣту в Петербургѣ, требуя взять власть. На улицу выкатились вооруженныя толпы, шумя и неистовствуя. Правительство, несмотря на всѣ свои теоріи, увидало себя поставленным в необходимость примѣнить силу.

Возстаніе было разогнано, при помощи казаков и войск, двинутых с фронта. Наконец-то Керенскій обратился к генералам за помощью. Эта помощь была оказана ему с восторгом — были разгромлены большевистскія организаціи, разнесены большевистскія газеты, разбиты типографіи. Казалось, возстанавливался старый порядок.

Заржавѣвшая от бездѣйствія громоздкая машина политическаго суда была приведена в ход... Издан приказ об арестѣ Ленина,

Троцкаго, Каменева, Луначарскаго, Зиновье ва и других. Прокурор окружнаго петербургскаго суда об'являет свое постановление относительно Ленина:

— Он обвиняется в измѣнѣ, в связи с вражескими странами, в том, что под его вліяніем были случаи отказа войск от исполненія обязанностей на фронтѣ, что он в связи с шпіонской организаціей...

Газеты кричали — Ленин, Ленин! — и все это дѣлало превосходную политическую рекламу тому же Ленину, который опять прибѣг к старому, вѣрному, испытанному средству:

— К фальшивому паспорту.

Троцкій и Луначарскій сидят в тюрьмѣ. В костюмѣ солдата, матроса, крестьянина, рабочаго Ленин скрывается в пригородах Петербурга, в Финляндіи. Он прислушивается к голосу, к настроеніям самого народа. Остановившись в одной избѣ, он как то слушает разговор своих хозяев о хлѣбѣ: — с подавленіем іюльскаго возстанія правительство распорядилось выпускать в продажу хорошій хлѣб, надѣясь воздѣйствовать этим

на населеніе в свою пользу. Но населеніе восприняло эту мѣру совершенно иначе:

— Теперь правительство и не смѣет давать плохого хлѣба!

— Вот гдѣ брали быка за рога, — говорит Ленин по этому поводу, — вот гдѣ можно было опредѣлить настроеніе масс.

Ликованіе военных побѣдителей было очень сильно; пресса разоблачала, что Ленин — это в дѣйствительности Гольдберг, еврей. В ликованіях этих подчеркивалось, что у страшнаго призрака возстанія не оказалось вождя.

Но все же работа Ленина продолжаетс Сам он среди скитаній пишет книжку «Государство и революція». В большевистской партіи насчитывается уже 126 организацій с 200.000 членов. Чѣм больше распадается государство, тѣм больше дезорганизованы враги, тѣм больше крѣпнет іерархія и связи Ленина.

Однако, іюльское выступленіе большевиков и его подавленіе имѣли и другія неожиданныя послѣдствія. Оно показало, что в обществѣ сильно контр-революціонное на-

строеніе. Далѣе, оно показало, что м о ж н о бороться военными средствами с революціей. Это обстоятельство очень напугало правительство, и «заложника демократіи», Керенскаго.

Конечно, Керенскій попал под град упреков со стороны Совѣта; с другой стороны у генерала Корнилова пришла охота попробовать пустить в ход средства болѣе рѣшительныя, нежели главноуговариваніе. И выступленіе Корнилова — напугало как Керенскаго, так и Ленина:

— Вѣдь это шла сама контр-революція собственной своей персоной. Шла против революціи, кѣм бы она не представлялась...

Время, дѣйствительно, могло было быть упущенным. Но помог тот же Керенскій в своей вѣрѣ в единство соціалистическаго фронта: он выступил против Корнилова; он открыл тюрьмы, выпустил тот персонал, который обитал там за іюльское возстаніе, и тѣ начали дѣятельную обработку войск. Ленин прямо ставит на очередь задачу возстанія.

В письмѣ к Смилгѣ в Финляндію Ленин пишет: — Я прав... Политическая проблема стала военной. Мы должны работать над созданіем Военнаго Комитета, двинуть вѣрныя войска из Финляндіи и т. д.

Возстаніе—вот прямая задача. Центральному Комитету партіи Ленин дает слѣдующія инструкціи:

— Дѣйствуя по плану, мы должны не медля ни минуты организовать штаб возстанія, распредѣлить силы, охватить Александринскій театр, занять Петропавловскую крѣпость, арестовать правительство и генералов, захватить телеграф, телефон и т. д.

— Опоздаем, опоздаем, — торопится Ленин. Он пишет пламенные плакаты, статьи, брошюры, убѣждает немедленно рискнуть, но не в разбродѣ, а всей организаціей.

Московскому и петербургскому Центральным Комитетам Лениным написано письмо, которое характеризует его подход к столь важному вопросу, как возстаніе:

> — Обстоятельства выявились перед нами, промедленіе — измѣна дѣлу....

Крестьянское движеніе растет, 99% солдат на нашей сторонѣ, Москва, финляндскій флот и войска — за нас.

За нас желѣзнодорожники, почтовики, телеграфисты. Мы должны захватить власть, или нас смоет вол на анархіи...

Кто начнет — не важно. Может начать и Москва.

Лозунги: — Власть совѣтам. Земля крестьянам. Мир народу. Хлѣб голодным.

Побѣда обезпечена и на девять десятых — безкровна.

Выжидать — предательство.

Привѣт.

Н. Ленин.

Ко времени великих рѣшительных событій Ленин и Совѣт захватили для своего штаба помѣщеніе Смольнаго института. Там, в комнатах № 18 помѣщалась большевистская фракція, в №№ 10 и 17 — Военный Комитет.

Русское общество с любопытством ждало, что будет завтра, из этого любопытства оно жадно раскупало газеты; Керенскій увѣрял, что ему все извѣстно, и что он с удовольствіем ждет возстанія, чтобы разнести его в пух и прах; а в этих комнатах шла напряженная работа.

В началѣ октября 1917 года созывается Центральным Комитетом съѣзд партіи, чтобы рѣшить вопрос о выступленіи. Спорят на нем три направленія. Ленин за немедленное выступленіе, Зиновьев и Каменев — за выжидательную тактику и Троцкій — за выступленіе против правительства и за объявленіе его низложенным на имѣющем быть созванном съѣздѣ совѣтов лишь в ноябрѣ.

Но Ленин горячо протестует. Удивительно, — говорит он, — как это Керенскій до сих пор не арестовал Военнаго Комитета. Вы хотите дождаться этого?

И с утра 25 октября (7 ноября) 1917 года в указанных выше №№ комнатах началось усиленное движеніе:

— Войсками, по приказу Военнаго Комитета, заняты телеграф, телефон, почта, вокзалы, банки.

В час дня Троцкій на совѣтѣ именем Военнаго Комитета об'явил временное правительство низложенным, и выждав, продолжал:

— Мы, совѣты рабочих, солдатских и крестьянских депутатов намѣрены сдѣлать нѣкій опыт, подобнаго которому не было в мірѣ...

Скрывавшійся в своем убѣжищѣ, Ленин вышел 25 октября около полудня из него и с большой осторожностью двинулся к Смольному, куда явился под вечер. Он освѣдомился о положеніи и был самым спокойным человѣком во всем Петербургѣ в тот тревожный день.

Ночью, во время засѣданія совѣтов раздалась пушечная пальба:

— «Аврора» обстрѣливала Зимній дворец, гдѣ засѣдало в послѣдній раз временное правительство....

В Смольном задребезжали стекла, всѣ вскочили с мѣст. — Мошенники, разбойни-

ки! — кричали меньшевики, — вы за нашей спиной захватили город!..

А в маленькой комнатѣ Смольнаго, совершенно пустой, гдѣ вмѣсто всякой мебели на полу было набросано лишь нѣсколько одѣял, вмѣстѣ лежали и спали Ленин и Троцкій. Троцкаго каждыя десять минут будили с разными донесеніями:

— Зимній дворец взят!

— Керенскій бѣжал!

Утром, когда в окно заглянул сѣрый октябрьскій развѣт, Ленин встал и был бѣл, как мѣл...

— Переход от нелегальнаго положенія к легальному, — сказал он, улыбаясь, — нѣсколько рѣзок: — дружится голова...

25 октября неизгладимым кровавым пятном легло в исторію.

Ленин взял власть.

V. Ленин и ленинизм.

Итак, историческим фактом является, что Ленин взял общую власть над Россiей.

Отмѣтим это совершенно отчетливо; до сих пор это обстоятельство как то плохо сознается в эмиграцiи.

Выведем отсюда нѣкоторыя слѣдствiя

Ясно, что какой то своей стороной власть Ленина соотвѣтствовала самосознанiю русскаго народа, если он пошел за Лениным.

Несомнѣнно, и сам Ленин тоже подмѣтил какую-то русскую, народную струнку, на чему он и достиг успѣха. Это качество Ленина — подмѣчать «струнку» дало между прочим тому же Милюкову основанiе называть

Ленина — «реалистом». Ленин с точностью, достойною Маккіавелли, еще в 1915 году отмѣчал:

— Война возбудит в народѣ буйственность, и нужно имѣть в виду эту буйственность!

Сообразно этому точному пониманію русской массовой психологіи, что опять таки об'ективно доказано успѣхом 25 октября 1917 года, Ленин, конечно, может почесться русским вождем; в нем встали времена русских Разина, Булавина и Пугачева.

Глубоким заблужденіем было старой русской власти, что упомянутыя движенія она считала бунтами; что она проглядѣла то свойство русскаго народа, которое привело Россію к Смутному времени, к Тушинскому лагерю.

То, что просмотрѣла власть — подхватил Ленин. В самой душѣ русскаго народа, конкретнаго, наличнаго, этого собранія Иванов, Василіев, Петров, Степанов и т. д. — и заложены были условія возможности Лени-

на; Ленин русскому народу не чужой, он національ н. национален.

Ленин — большая и сильная личность, которая в описанный нами період времени достигла больших, реальных успѣхов и взлетѣла на гребнѣ войны, разрухи, недовольства, безталанности правителей, вызывающей, провокаціонной нестѣснительности высшаго слоя, который провоцировал своей отчужденностью поход народа против буржуев.

Но мы этим только и ограничимся в оцѣнкѣ Ленина; правда, он талантливо попал к власти, он понял тайну руководства массами в смутныя времена, он как никак из разраставшейся анархіи при неумѣвшем регулировать массами эсерском правительствѣ Керенскаго сумѣл создать какое-то подобіе власти, и избѣжать анархіи.

Но КТО МОЖЕТ ПОРУЧИТЬСЯ ЗА ТО, ЧТО ЛЕНИН ОКОНЧАТЕЛЬНО И ДОСКОНАЛЬНО ВЫЗНАЛ СВОЙСТВА РУССКАГО НАРОДА, что в широком и вольном русском морѣ не оставалось еще каких-нибудь неуловленных жемчугов?

Была ли у самого Ленина полная об'ективность? Нѣт! Он в своей структурѣ государства набрасывал на русскій народ схему марксизма.

А развѣ марксизм — не об'ективность?

— Нѣт!

— Только развѣ для Бухарина и для других бездарных эпигонов «хвоста Ленина»...

Марксизм — никак не об'ективность для свободной, научной мысли; марксизм — не об'ективность даже для революціоннаго дѣйствія Ленина. Мы уже видѣли выше, Ленин говорил, что нельзя держаться марксизма, «аки слѣпой стѣны». Что марксизм — дает только извѣстное направленіе, а знаніе того, как достигнуть поставленных задач — может дать только коллективный опыт народа.

Мы видѣли, Ленин больше всего понимал и умѣл оцѣнить об'ективную обстановку; вся его дѣятельность была различными степенями об'ективности. Но вся «Эрфуртская программа» Маркса и Энгельса в коммунизмѣ оказывается воплощенной цѣликом. И мы можем поставить себѣ вопрос:

— До каких же предѣлов простиралась эта ленинская об'ективность и с какого предѣла она оказывается поглощенной марксистским, бухаринским начетничеством?

В своей современной исторической актуальности Ленин неразрывно связан с партіей: — Ленин умер, а ленинизм жив. И если Ленин был подобен стальной иглѣ, легко пронзавшей дѣйствительность, то в ленинской партіи мы имѣем безконечный хвост нитки, тянувшейся за этой иглой. Конечно, Ленин отвѣтственен за ленинизм, за то, что его именем дѣлается партіей. А партія в настоящее время — это тѣ случайные люди, которые оказывались случайно возлѣ Ленина, тѣ, кто перечил ему в его дерзаніях, тѣ, кто искал в суб'ективных ощущеніях — «об'ективной» истины, тѣ, кто искал нелѣпаго, хозяйственным образом построеннаго эстетическаго божества, одним словом «хвост Ленина» это маленькіе, жадные и грубые люди, эпигоны большого человѣка, вертящіеся около него, его именем толкующіе авто-

ритетно варил и вкось его слова, не обладающіе его духом.

Этих своих наслѣдников Ленин протащил к власти в азартѣ борьбы, не думая совершенно, годятся ли они для этой власти, или нѣт, и маленькіе люди — жадно держатся за власть.

Мы видѣли, как Ленин мгновенно отрекся от тѣх меньшевиков, которые упорствовали в [illegible] формах борьбы; и он отрекся бы и от тѣх большевиков, образ дѣйствій которых пахнул бы безоглядным буквоѣдством. Ленин смотрѣл в корень вещей, не боясь разслаивать первичные «классы», чтобы добиться правильнаго дѣйствія и овладѣнія ими, обостряя специфическіе интересы этих разслоенных частей; его эпигоны меньше всего думают об обостренных интересах классов, при помощи которых можно безконечно далеко идти в реальном теченіе исторіи, а заботятся о проведеніи в жизнь своих теорій прежде всего. Современные споры сталинцев и троцкистов похожи на споры в пьесѣ Л. Андреева «Похищеніе сабинянок», гдѣ ограбленные сабинскіе мужья

безсильно аргументируют при помощи огромных томов сводов законов.

До болѣзни и смерти Ленина — тот революціонный путь, которым он шел и вел за собой массы — представляет из себя непрерывный под'ем в гору — вспомните веселое весеннее нэповское чириканіе разных «попутчиков» и «смѣновѣховцев». Будь жив Ленин — не имѣла бы ли Россія в нем своего Наполеона? Вполнѣ возможно!

Но Ленин умер и ленинизм уперся в сплошную, мертвую схоластическую стѣнку....

Гражданской войны, правда, больше нѣт. Но классовой ненависти стало гораздо больше. Ленин пользовался всяким буржуем, подчас играя на его слабой стрункѣ, и при помощи этого буржуйскаго, классового опыта достигая значительных результатов. Вспомните хотя бы ловкое созданіе красной арміи, в разгар гражданской войны. Вѣдь она создана руками русских старых офицеров, создана вся цѣликом; не была ли при этом использована спеціально даже для патріотическаго улювленія война с Польшей? Тогда

Ленин не побоялся національных призывов, выбрасываемых Брусиловым, и направленных только к одному — к торжеству его дѣла.

Классовой ненависти теперь стало гораздо больше, потому что дѣлом завѣдует «хвост Ленина». Он, видите ли, строит соціализм, и должен использовать поэтому весь опыт прежних революцій, чтобы не потерять как нибудь «революціонных завоезаній»...

Французская революція дала «хвосту Ленина» знаніе того, как слѣдует опасаться Наполеона, и потому никаких побѣдоносных войн у совласти не будет: — она не пойдет в этот лѣс, боясь Наполеонов-волков. Парижская коммуна 1871 года показала им, как нужно обходиться с буржуями, как нужно не давать им накапливать суммы в банках и т. д. И поэтому — Бухарин с торжеством сообщает, что никакого накопленія у несчастнаго совѣтскаго частника нѣт, и что всѣ граждане Россіи попрежнему потомственные безпортошные пролетаріи.

Бездарное эпигонство идет на дворцо-
вым преступленія; — оно убирает Фрунзе
при помощи нарочитой, якобы нужной опе
раціи, и врачи его кончают; — «хвост Ле-
пина» боится Наполеонов. Бездарное эпигон
ство — рѣжет нэпмана. ведет электрофика-
ціи: — «хвост Ленина» — боится свобод-
ной конкуренціи. А между тѣм, Ленин не
боялся Брусилова, котораго авторитетно и с
жаром прочил в Наполеоны тот же Н. В.
Устрялов, не боялся он и нэпмана.

Море революціи, полное своеобразной ре-
волюціонной соблазнительной романтикой
безнадежно мелѣет. обростает коммунистиче
ской тиной; эпигоны талантливо сдѣлали из
царскаго наслѣдія Ленина, доставшагося им,
голодную, аморальную, лѣнивую, бюрократи
ческую государственность. которая живет в
теченіе 11 лѣт уже лишь только бронзовы-
ми векселями на рай в будущем.

Марксистская одежка, наброшенная на
матушку-Россію — оказалась короче совре-
менных дамских платьев, и поневолѣ мужик
мимо рекламных тракторов, тянется по ста
ринкѣ к матушкѣ-сохѣ, да к свчиному на-

вольному тулупу, которым покрывались дѣды.

Кромѣ того, теперь, когда изжит грохот гражданской войны, когда протекло 11 лѣт с того времени, как выданы до сих пор не оплаченные векселя на соціалистическое благополучіе — многія блестящія перспективы представляются не столь блестящими сейчас. И многія ранѣе не замѣченныя жемчужины то и дѣло выбрасываются в явѣ на берег русскаго моря.

⁂

Возьмем хотя бы судьбы православія. Православіе оказалось гораздо сильнѣе, чѣм предполагал Ленин, а главное — его эпигоны; революція, сбросившая господствующіе классы — ничего не может сдѣлать с православной церковью, которая только укрѣпляется, и попрежнему несет в народ свой извѣчный, безнасильный идеал п р а в д ы.

Чѣм сильнѣе становится брак эпигонскаго, нелѣпаго безбожія в п р и н ц и п і а л ь н о свободном государствѣ — тѣм сильнѣе начинают сіят лампадами уставленные ико

постасы, гдѣ лики святых людей, дѣйство вавших по правдѣ. Правдой руководится русскій мір, в октябрьскіе дни он был соблазнен тоже правдой, и в религіозном освѣщеніи понятіе правды углублено, укрѣплено, расширено.

В узкія нормы ленинизма религія, конечно, не войдет, а она вполнѣ об'ективна, как навѣрно теперь убѣдился уже и сам Ленин в своей загробной жизни.

Далѣе, трудновато оказалось современному ленинизму и без интеллигентной помощи. Революція создалась на арміи, на той несложной и основной солдатской выучкѣ которая столь широко была распространена по Россіи к 1917 году. Драться, воевать, агитировать — можно было и без буржуазнаго образованія, но строить что-либо — оказалось затруднительно. Ленинизм, говоря совершенно об'ективно, осадил, понизил общій стандартный уровень культуры. Много, конечно, теперь говорится о смѣнѣ, о «молоднякѣ» и т. д., но для того, чтобы пришла смѣна, нужно чтобы молодняк был обучен. Тѣ милліоны людей, которые в насто

ящее время находятся за-границей в эмиграціи, эти русскіе инженеры, врачи, ученые, студенты и проч., сохраняющіе старый стандарт культурности и общественности — составляют из себя огромный резерв для будущей Россіи. Ленинизм, в своем суевѣрном, держась за диктатуру, марксизмѣ, не позволит, конечно, свободнаго сотрудничества с этим резервом, держит в подозрѣніи спецов, и это отражается на неудовлетворительности совдостиженій.

Русская сильная, но небольшая литература — всегда отличалась своими высокими моральными качествами. Нынѣ господствующая теорія в литературѣ — теорія с о ц і а л ь н а г о з а к а з а — ее обезличила, унизила, лишила ее почти всякаго значенія. Коммунизма все равно не воплотишь, сколько бы не писали на эту тему ловкіе совѣтскіе литераторы, только денежки пропадут. А между тѣм, настоящая русская литература ушла в подземелье, в подполье. В СССР, говорят, в рукописях теперь много прекрасных произведеній, которым не увидать скоро свѣта, потому что на свѣт про-

пускает только литературная призма соціальнаго заказа ярко-красные лучи.

Ленинисты до сих пор повторяют ошибку царя Петра, который в коллегіальном начал усматривал гарантію самостоятельности, энергичности дѣйствій отдѣльнаго лица.

Однако, как извѣстно, это обстоятельство в исторіи привело именно к бюрократизму и полной потерѣ чувства отвѣтственности у русскаго чиновничества. Соціалистическая коллегіальность, проповѣдываемая коммунистами имѣет как раз эти же самыя послѣдствія; частная русская иниціатива погибла, не культивируется, все исчезает под сѣрым налетом коллективистической равновеликости...

И поскольку эта коммунистическая ошибка является воинствующей — тѣм болѣе она вредна. Послѣ 11-лѣтняго опыта стало вполнѣ совершенно ясно, что обостренные классовые интересы полезны только до той поры, покамѣст они содержат в себѣ положительныя, утверждающія начала. Поскольку же эти начала выявляются, как начала по преимуществу в р а ж д у ю щ і я, получается убо

гая односторонность в полифонической народной симфоніи.

Никто так не понял этого объѣдняющаго начала постоянной гражданской войны, а классовой — не живой, а принципіальной розни, как Муссолини. Он — ученик Ленина, но он пошел значительно дальше Ленина в подчеркиваніи положительнаго творческаго элемента в народных противорѣчіях, к чему шел и Ленин. Он точно так же, как Ленин вышел из соціализма, и объявил диктатуру партіи, поддерживающей отдѣльную личность ради блага всего народа. Но он рѣшительным образом выкинул из своего обихода принцип гражданской войны, замѣнив его принципом государственнаго національнаго мира и сотрудничества всѣх классов. Вмѣсто того, чтобы тратить время на уничтоженіе буржуазных знатоков и спеціалистов по тому или иному дѣлу, а потом оставаться с полуграмотными пролетаріями, которые при всей их рѣшительности никоим образом не могут считаться носителями культуры, как не может, положим, конкурировать любой конь тяжеловоз с арабским скакуном, — Мус

солини привлек к работѣ рѣшительно всѣх, введя принцип обязательности работы на общее дѣло, и таким образом оформив в высшей степени рѣшительно государственную волю к поддержанію самого государства.

Результаты — извѣстны. Цвѣтущее состояніе государства фашистов, нищенское, безобразное состояніе государства коммунистов — говорят сами за себя.

И кто знает, не умри Ленин в возрастѣ всего 56 лѣт, не перешел ли бы он, видя тщету идеи о всемірной революціи в эгоистичной Европѣ — к націоналистическому устремленію на пользу Россіи?

Но Ленина нѣт. Его печальные эпигоны, воспитанные на марксистских брошюрках, протащенные случайно Лениным к власти, продолжают свое дѣло бюрократическаго властвованія и внѣдренія тѣх основ, над которыми смѣются уже в каждом кабарэ.

В своем упорствѣ они не замѣчают того, что русскій народ — практическій и умный народ, и всѣми правдами и неправдами ускользает от этого изувѣрскаго преслѣдованія. Слишком большія «ножницы» между

словами и дѣломъ, слишком большое расхожденіе между «нормальным питаніем в калоріях», установленным наукой и обѣщанным коммунизмом и реальным голодом, выразительная свистопляска нѣкоторых веселых персон на фонѣ всеобщаго развала — конечно рано или поздно тоже «заострят противорѣчія», не смотря на всякія старанія по «притупленію» со стороны Лубянки.

И тогда, очевидно, согласно об'ективнаго хода вещей — понадобится новый Ленин, который учтя всѣ ошибки стараго, будет болѣе об'ективен в свойствах русской души, и создаст новый православный національный всенародный Октябрь.

И этот новый Ленин придет еще раз исправить ошибки стараго.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.